

Мотылёк и свеча

Мотыльку у свечи
не до слабости, не до отваги,
так, порою, и нам
не до смерти
и не до седин.
На чужое письмо
по давно пожелтевшей бумаге,
от огня ускользая,
горячий бежит стеарин.
В тихом танце шуршат
мотыльковые крылья,
и пламя
чуть колышет дыханием
сонная звёздная пыль;
пламя крылья палит,
память
давними бредит снегами,
и торчит, и чадит
только что
прогоревший фитиль.
Манит мудрый инстинкт
на огонь
обещанием рая,
заколдованный им
мотылёк
обречённый кружит;
и пока что пыльца
с его крыльев,
свечу осыпая,
серебрит стеарин
и в огне,
прогорая, трещит;
и пока что
кружат –
пусть вокруг,
над бедою
и рядом –
два тончайших крыла,

две антенки
и лапки впритык;
и продлить бы,
продлить –
не окинуть
вселенную взглядом! –
на две бусинки глаз
любопытства
блаженного миг...

Лёд и пламень души
соразмерь,
на тщете упокоясь,
любопытство своё –
если выжить захочешь –
уйми;
всё обманом –
инстинкт
и мечты,
всё ловушкой –
и разум,
и совесть...
нам ли тешить себя,
нам ли,
выставшим Лету костями...
И пока что
судьбу свою
с космосом соизмеряем,
пламя скольких огарков
нам ярче
мерцающих звёзд;
выходя из чистилищ
концентрационнейшим раем,
космодромы мостим
и дороги свои на погост...
Смерть по плану
в процентах,
и тешатся
песней поэты,
и развёрст,

и глумлив
мародёрский звериный оскал,
и блистают ураном,
и водкой воняют сонеты,
и по венам кипит
дикий кремний
и вязкий металл...
И висит потолком
невысокое небо
над нами,
зацветая напалмом,
и звонко поёт пулемёт,
и висит мотылёк,
и качается медленно пламя
под немеркнущим Солнцем,
которое тоже умрёт...
Чем бы ни освятить –
проклянут
те, что выживут,
бойню;
как бы
в мусор космический
Землю вообще не отдать –
пусть хоть на предпоследнем,
быть может, в «ничто»
перегоне
снизойдёт
в наши души отчаянные
благодать.
Пусть прольются дожди
в термоядерных
наших пустынях,
пусть прольются дожди
над пустынями
наших сердец,
чтобы в наших сердцах
зацвели цветы полевые,
и в цветущих песках
засвистал
долгожданный скворец.

И грядёт этот мир
в пепелищах,
поросших цветами, –
прорываюсь к нему
из сетей
поэтических троп,
цепenea от страха,
всем сердцем
юродствую в драме,
и восторг холодит
ядовитой испариной лоб...

Я иду по земле,
окунаясь в высокие травы.
Мне под солнцем палящим
отраден костра уголёк,
трели крошек-цикад
оглушительней
гимнов державных,
сонмы тающих звёзд
заслоняет крылом мотылёк.
Чуть колыхнется море
в предутренней
тихой печали,
облака высевают,
быть может,
грибные дожди.
И, вот-вот, неживой –
я стою на последнем причале –
тот,
которого ты,
непринявший,
да не осуди...
я бездумно слежу
за корабликом в море
бумажным –
для кого-то
ещё обещаьем
начавшийся день...
пробежал паучок

по делам,
для него очень важным,
обещаньем зари
тает месяца
блёклая тень.
Всё не верил себе,
всё боялся к судьбе прикоснуться,
опасался мечтать,
говорить,
и смеяться, и петь,
всё я тешил себя –
не сегодня,
так завтра проснуться...
не проснуться уже –
оглянуться уже не успеть.

Я люблю тебя,
мир мой земной,
в безобразии красок и звуков,
где твой образ единый –
духовная мера ума,
где, мерило всех мер,
ты останешься
сладостной мукой
всем дыханьям твоим
до последнего
смертного сна.
Я люблю тебя,
мир мой земной,
благоденствуй и здравствуй,
твой ликующий смрад
я вдыхаю
с невольной тоской,
на задворках галактик,
где каждую малостью распят,
с каждой тварью твоей
пуповиною связан одной.
Всё отдать за тебя –
для поэта весёлая мена,
каждой клеткой живу,

как на страшном
Господнем суде,
не склонив головы,
преклоню пред тобою колени,
а случится – согнусь –
к роднику твоему припаду...

Пролетел самолёт,
в поле женщина простоволоса,
смотрит в небо она,
а в глазах –
любопытство и страх,
и ребёнок сидит
на зелёной лужайке
и космос
мотыльковый и огненный
держит
в неловких руках.

Ленинград, 1972 - 1980